

210

страшная
сказка

Лев
Кожевников

Девочка и Людоед

*Нашему главному сказочнику
Льву Афанасьевичу Кожевникову,
которого мы зовём просто –
Афанасьич, исполнилось 70 лет.
Поздравляем юбиляра
и ждём от него новых сказок!*

Ж

1

ЖИЛИ-были старик со старухой. Бедно жили, иной раз и вовсе впроголодь. Детишек бог им не дал, вот и маялись одни-одинёшеньки на белом свете.

Однажды, чуть свет, старуха ведро воды в избу принесла. Кое-как на лавку взгромоздила, а сама отдышаться не может. До того умаялась. Потом на лежанку глянула, возле печи: пора, думает, старика будить. Хватит ему на постелях прохладжаться.

– Эй, старый! Вставай уже... светает на дворе!

Старик и ухом не повёл. Не пошевелился даже. Забеспокоилась старуха: не помер ли, упаси господи?! Посидела, послушала... вроде, нет. Храпит в углу. Поднялась с лавки и к лежанке прошаркала. Да как закричит деду на ухо:

– Ку-куре-ку!!!

Старик закряхтел, закашлялся. Кое-как с лежанки поднимается.

– Э, старая курица! Туда же... петухом запела. Кхе-кхе!

Пока вставал, пока одевался-обувался, старуха из сеней моток верёвки принесла и серп. В руки старику суёт.

– В поле идти надо. Пшеницу жать. А тебя, из пушки пали, не добудишься.

Старик не слышит будто. За стол сел. Да как стукнет деревянной ложкой по столу.

– Не евши, какой из меня работник? Корми, старая!

Всплеснула старуха руками. Запричитала:

– Чем кормить? В доме ни зёрнышка. Из глины, что ли, пирогов тебе налепить?

– Как это, ни зёрнышка?..

Не поверил, короче. Заглянул в один горшок, в другой... в третий. Вверх дном перевернул. Пусто! Правда, из последнего горшка горошина выкатилась, одна-единственная. Попрыгала, попрыгала и остановилась посреди стола.

– Это всё?

Старуха только руками развела.

– И печь у нас три дня не топлена. Дров нету, ни полешка.

Почесал старик в затылке. Но делать нечего. Отыскал в дровянике ржавый колун. Чурбак выкатил. Да как вдарит со всей силы! Но колун от чурбака, будто мячик, отскочил и за пару сажен в стороне упал. Едва руки не вывернул. Чертыхнулся старый и – снова за колун. Над головой-то поднял, а железяка тяжеленная! Назад его повело. Пятился, пятился да на старуху налетел. Так оба и повалились на землю. Лапти вверх!

Забранился старик: мол, така-сяка, не видишь... дрова колю! Чего под ногами зря путаешься? И в избу ушёл. Сердитый.

Посидел, повздыхал... тоскливо на душе. Взял в руки жалейку. Заиграла жалейка, заплакала, на судьбу вроде как жалуется. У старухи от такой музыки слёзы на глазах, ревмя-ревёт.

– Хватит, старый, тоску нагонять. Сыграй чего повеселее.

Заиграл старик плясовую. Да так ловко наяривает, у старухи ноги сами собой ходуном ходят. Сидела, сидела, не вытерпела и – пошла в пляс. Вдруг, глядит: горошинка на столе тоже вроде как подпрыгивает. Половицы, что ли, ходуном под ногами ходят? Остановилась возле стола, старика тычет: смотри, дескать. И впрямь, горошина-то пляшет. Старик даже привстал от удивления. Но

играть играет... для горошины. А горошина прыг-скок, прыг-скок и всё больше, крупнее становится. Сначала с орех величиной, а вот уже с яблоко, как мячик, подпрыгивает. Вдруг на яблоке глазки прорезались, и ротик появился. Улыбается. Щёки румянцем горят. Прыг-скок. Откуда ни возьмись, косички зазорные в стороны торчат. Сарафанчик... ручки, ножки появились. Прыг-скок, прыг-скок.

Вот те на! Девочка, самая настоящая, на столе выплясывает! Только очень маленькая.

Старуха от удивления так на лавку и хлопнулась, а старик жалейку из рук выронил. Остолбенели оба и молчат, будто языки проглотили. Девочка тоже плясать перестала. Глазки синие, лукавые, то на деда, то на бабушку поглядывает, улыбается. Да вдруг как расхохочется, будто серебряный колокольчик зазвенел. Старуха, наконец-то, опамятовалась.

– Ну-ко, старый, ущипни. Может, я сплю?

Дед ущипнул, постарался. Охнула старуха, а всё равно глазам не верит.

– Деточка, милая, откуда ты такая взялась?

– Из горошины, – девчонка отвечает. А сама улыбается.

– Ай-яй! И чья же ты будешь?

– Я ваша внучка. А вы – мои дедушка и бабушка.

Охнула старуха, руками всплеснула.

– Радость-то какая! Знать, увидел Бог наши слёзы, внученьку нам послал. Да такую красавицу! – и на старика набросилась: – Ты чего, старый, пеньком стоишь? Поздоровайся хотя бы!

Старик в затылке почесал.

– Дак это... из горошины, значит?

– Из горошины, из горошины! Не видел разве?!

– Тогда назовём нашу внучку... Горошинка. Вишь, какая кроха?

Обрадовалась девочка, в ладошки захопала.

– А мне нравится! Горошинка! Я – Горошинка!

Ну, тут «ахи», «охи» пошли. Обнимаются старики с внучкой, целуются. А

старуха на радостях и вовсе расплакалась. Девочка Горошинка утешает её, по голове гладит: «Не плачь, бабушка, не плачь, милая. Всё у нас хорошо будет».

– Э, старая? – спохватился дед. – А нам нашу внучку и угостить-то нечем.

– Ох, и впрямь... – засуетилась старуха.

– Это не беда, – говорит Горошинка.

– Я сейчас схожу в поле, нажну пшеницы. Заодно хворосту наломаю. Вечером, дед, баба, мы с вами пирогов напечём полное решето.

Ухватила Горошинка серп, моток верёвки на плечо, да ещё жалейку с полу подобрала.

– Это чтобы идти не скучно было!

И убежала. Только жалейку и слышать за околицей. Старик со старухой слова сказать не успели. Вышли на двор, из-под руки вслед глядят. Вздыхают оба.

– Не надо бы такую кроху одну отпустить. Да разве за ней угонишься?

2

Девочка Горошинка работница хоть куда оказалась. Всё поле мигом обжала. Сноп, который потолще, поколосистее, домой нести приготовила. И хворосту в лесу большущую вязанку наломала. Не по росту. На опушку хворост вынесла... Вдруг, откуда ни возьмись, а перед ней, будто из-под земли, Людоед вырос. Гора-горой! Девчонка ему едва до сапога достаёт. Голова у Людоеда огромная, луковицей. Рот, как у жабы. Усы – щетиной, во все стороны торчат. На толстом животе, за поясом, пара огромных пистолетов, и нож булатный болтается.

Взревел Людоед, будто гром загромыхал:

– Это кто тут в моём лесу хозяйничает? Мой хворост без спросу ломает?!

Горошинка так и присела со страху и лицо ладошками закрыла. Потом сквозь пальцы глянула на чудовище. Спрашивает:

– Ты кто?

– Я... Людоед!!!

– Ой! А я... меня Горошинкой звать.
– Нет! Ты – мой ужин сегодня. Ха-ха-ха! – И по пузу себя поглаживает.

Удивилась Горошинка.

– Ты что, голодный, да? Хочешь, я напеку тебе вкусных-вкусных пирогов. Вот целый сноп... И хворосту набрала. Хочешь?

Людоед ногами затопал. Сердится.

– Ты украла мою пшеницу и мой хворост! Здесь всё моё... этот лес. И поле, тоже моё!

– Лес ничей, – Горошинка отвечает. – Здесь вся деревня хворост собирает. А поле моего дедушки. Он это поле ещё по весне засеял. Это наше поле.

– Было ваше, стало наше! При-ва-ти-за-ция... однако. Не слыхала?

– Это как это? – удивилась Горошинка. И глазками захлопала.

– Всё! Хватит болтать! Полезай в мешок, глупая девчонка. Я хочу ням-ням!

Затолкал Людоед горошинку в мешок и на плечо повесил. А Горошинка ещё и советы из мешка подаёт:

– Хворост не забудь. Как ты меня без хвороста будешь жарить?

– Хм? Правду говоришь...

Подобрал Людоед вязанку хвороста и с добычей в лесу исчез. Будто провалился.

3

Как все людоеды, этот Людоед тоже в пещере жил. Один. Посреди пещеры у него огромный очаг сложен. Над очагом на треноге огромный котёл на цепях висит. И огромная гора костей в углу белеется.

– Вот мы и дома, деточка. Здесь я живу. А это моё логово.

Сбросил Людоед мешок на стол. Пи-столеты выложил.

– Ой! Поосторожнее. Ты мне все кости переломашь!

Захотел Людоед, заухал.

– Не бойся, глупышка! Я деток люблю. Варёных, печёных, жареных... Всяких люблю! Сейчас мы с тобой огонь разведём. Вот так...

Сунул Людоед вязанку хвороста в

очаг и спичку поднёс. Горошинка тогда спрашивает:

– Ты меня с овощами будешь готовить? Или просто так?

– О! Вовремя напомнила... Молодец, хвалю!

Притащил Людоед корзину с капустой, корзину с картошкой, корзину с морковью, с луком. И в мешок вывалил Горошинке на голову. Ладно, увернуться успела. А Людоед по сторонам озирается: «Где-то мои палки-отбивалки? Куда засунул?»

Пока Людоед палки искал, Горошинка серпом дырку в мешке прорезала и наружу выбралась. Спрыгнула на пол и – под стол. В тень спряталась. А тут Людоед идёт-топаётся. В лапах какой-то футляр держит, узорами расписанный. Положил футляр на стол и командует:

– А ну-ка, палки-отбивалки, сделайте мне из этой девчонки хорошую отбивную. Гоп-ля!

Только сказал, крышка сама собой откинулась, и из футляра две палки наружу выскочили. Толстые, тяжёлые, медными шишками усеяны. Над мешком зависли и – давай мешок со всех сторон молотить. Будто сноп на токовище.

Сообразила Горошинка, что за палки такие. Сама плачется:

– Ай! Ой! Как больно... ой, больно! Ай, ай, ай! – И замолчала.

Даже Людоеду жалко девчонку сделалось. Вздохнул, но... ужин – дело святое. Да и всех разве пережалеешь? Хлопнул в ладони.

– Эй, палки-отбивалки! Ступайте на место!

Обе палки – хлоп! И в футляр. Крышка за ними захлопнулась. Глядит Людоед, а из котла над очагом уже пар валит. На сухом хворосте вода в два счёта вскипела. Пора девчонку варить. Схватил Людоед со стола мешок и всё содержимое в котёл вывалил.

Горошинка из-под стола снова запричитала:

– Ой, ай! Горячо, горячо! Ой, горячо! Ты меня сваришь, дядечка!

Заглянул Людоед в котёл, удивляется.

– Хы! Живая ещё... Ладно, пускай варится.

Плюхнулся Людоед в кресло, ноги на стол и захрапел. А когда варевом запахло, проснулся, черпак в руки и к котлу идёт. Поворочал черпаком в котле. Попробовал.

– Кажись, готово! А девчонка где?.. Разварилась, что ли?

Снял Людоед котёл с огня, на стол поставил. И слюнявчик на грудь. «Ням-ням!» – рычит. И огромным черпаком кипящее варево прямо в пасть забрасывает. Такая вот глотка у него лужёная оказалась! Хлебал, хлебал, пока черпак по дну не застучал. Потом голову в котёл засунул, дно, стенки вылизал. Поднял котёл над головой и остатки в рот слил. Уф! Отвалился на спинку кресла, а котёл, чтобы лишний раз не вставить, на голову надел. Живот у Людоеда большой-пребольшой сделался. Больше котла. Сидит, отдувается, по животу себя поглаживает. Однако сомневаться начал:

– Что-то мяса я совсем не почувствовал? Пожалуй, тоща девчонка оказалась.

А Горошинка из-под стола поддакивает:

– Конечно! Я же Горошинка. Ты и не заметил, как меня проглотил.

Людоед даже подпрыгнул в кресле. Озирается по сторонам.

– Э... ты где?!

– Где, где... У тебя в животе, конечно. Здесь темно и сыро. И пахнет дурно!

Людоед снова в кресло плюхнулся. По животу себя похлопал.

– Ой! Ай! – Горошинка кричит. – Не бей так сильно, ты мне по голове попал!

Повозился Людоед в кресле. Вслух думает:

– Напрасно я эту девчонку съесть поспешил. Вначале её откормить надо было, как поросёнка. И дать подрасти. А уж потом...

– Ты можешь съесть меня ещё раз. Мне совсем не жалко.

От такого предложения у Людоеда глаза на лоб.

– Это... как это? Ещё раз?

– Очень просто. Открой рот пошире. Я и выберусь.

Людоед пасть разинул. Ждёт-пождёт, когда-то дрянная девчонка наружу выберется. А Горошинка и говорит:

– Я не могу дотянуться. Очень высоко. Ложись на пол, тогда выберусь.

Лёг Людоед на пол, живот горой. И снова пасть разинул, даже глаза закрыл. Выбралась Горошинка из-под стола, хлопнула обжору ладошкой по губам и будто бы на пол спрыгнула.

– Всё, можешь рот закрыть.

Людоед пасть захлопнул, сел на полу и на девчонку во все глаза таращится. Головой трясёт.

– Живая!

Рассмеялась Горошинка, пальчиком по пустому котлу постучала.

– Эй, ты же собирался меня откармливать. А сам всё съел. Один!

Людоед только лапой махнул. Ушёл куда-то в тёмный угол, порылся в сундуках и со скатертью возвращается. Расстелил скатерть на столе. Командует:

– А ну-ка, скатерть-самобранка, накорми нашу гостью да повкуснее. Гопля!

Смотрит Горошинка: от кушаний и напитков стол ломится. Чего тут только нет. Глаза разбегаются. Обошла стол кругом и к Людоеду оборачивается. Сердитая.

– Я думала, ты голодный, а у тебя даже скатерть-самобранка есть. Как не стыдно?! Да за этот стол можно всю деревню посадить.

Людоед растерялся от таких слов.

– Ну, я... это? Я детишек очень люблю. Вот.

– Людей только дикари едят. Ты что, дикарь? Смотри: жареная баранина. Как вкусно пахнет! А это телятина заливная, в соусе. Балычок с петрушечкой. Ну-ка, садись за стол. Ешь, как люди едят!

Уселся Людоед за стол. Спрашивает:

– А ты?

– У тебя ещё кресло есть? Или табуретка?

– Нету... а зачем?

– Тогда посади меня к себе на колени. А то мне не достать.

Людоед осторожно, чтобы не раздавить ненароком, посадил девочку себе на колени. Спрашивает:

– А ты меня не боишься разве?

Горошинка по небритой щеке его погладила. Жалеет:

– Бедненький, несчастненький Людоед! Мне ужасно тебя жаль, до слёз.

Удивился Людоед. Обидно ему показалось.

– Это почему я несчастненький?

– Потому что злой. Злых никто не любит, никто дружить с ними не хочет. Они такие одинокие, такие несчастные! Видишь, у тебя даже второго кресла нет.

Людоед глазами по углам пошарил. И вправду! Даже табурета, и того нет.

– Это потому, – Горошинка говорит, – что в гости к тебе никто никогда не приходит. Ты совсем-совсем один, бедненький.

Задумался Людоед над её словами. Голову на грудь повесил. А Горошинка, будто птичка малая, здесь, там со стола поклевала. И сыта сидит. Про жалейку вспомнила.

– Хочешь, я песенку тебе сыграю?

Заиграла жалейка, запечалилась, будто чья-то душа сиротская одна-одиношенька на белом свете мается, места себе не находит. Слушал Людоед, слушал, да ведь по нём жалейка плачется, по его злой судьбинushке, неприкаянной! Растаяло у него сердце, и слёзы из глаз посыпались.

– Зря я тебя съел. Ты такая умная, такая добрая девочка! А я большой, толстый и злой дурак!

Горошинка утешает:

– Нет, ты не дурак вовсе. Ты всё-всё понимаешь.

– Я не хочу быть злым... – Людоед ревёт. – Я дружить хочу! С тобой хочу... со всеми...

– Давай, – говорит Горошинка, – я научу тебя этой песенке. Если ты бу-

дешь её напевать, больше не сможешь быть злым. Это очень добрая, хорошая песенка.

Стали они слова разучивать и мелодию. Сначала у Людоеда ничего не выходило: у Горошинки голосок серебряный, чистый, ручейком журчит по камушкам, а у него, будто железом по железу... скрежет один, и только! Долго сидели, всю ночь разучивали, но распелись, наконец. И так складно поют... заслушаешься!

Вдруг Горошинка расплакалась. Горько-горько. Людоед уж и так и эдак к ней. В глаза-то заглянет, по головке погладит. Ничего понять не может.

– Я, это... обидел тебя?

Горошинка головой покачала. Сама горше того плачет.

– Думаешь, я хочу тебя съесть снова? Да я... я лучше собственные уши съем! Клянусь!

Тут Горошинка про бабушку с дедушкой ему рассказала. Наверно, потеряли её... Они такие старенькие, им очень плохо. Ни дров, ни муки нет. И печь три дня не топлена. Голодные сидят.

Жалко Людоеду с доброй девочкой расставаться, но и держать в пещере силой совесть не позволяет.

– Возвращайся домой тогда. Я тебя отпускаю, – говорит.

Снова Горошинка головой качает.

– Я дороги обратно не знаю. Ты же меня в мешке принёс.

– Не велика беда. Я тебя провожу. Если хочешь, конечно?

Обрадовалась Горошинка, запрыгала, в ладошки хлопает.

– Как здорово! А я... я приглашаю тебя к нам в гости!

Людоед ушам своим не поверил. Чтобы его кто-нибудь когда-нибудь хотя бы раз пригласил в гости?! Сроду такого не бывало. Переспрашивает:

– Меня? В гости?!

Смеётся Горошинка.

– Ты же хороший, правда? Никому больше плохо не сделаешь?

– Да я... я сейчас... я мигом соберусь!

Забегал Людоед по пещере из угла

в угол, за что схватиться, не знает. Стащил со стола скатерть-самобранку, в карман засунул. И пистолеты за пояс. Горошинка так руками и замахала.

– Нет, нет! Пистолеты не надо. И нож не надо!

Людоед спохватился, по лбу себя хлопнул.

– Это я по привычке... Я их сожгу, раз и навсегда!

Швырнул пистолеты в очаг, да прямо в огонь. И нож туда же. Раз за разом два выстрела... будто из пушки грохнуло. Горошинка уши пальчиками закрыла, а по пещере сажа с пеплом во все стороны разлетелись. Дым повалил.

– Всё. Больше они не выстрелят!

4

Ждали старик со старухой, ждали, а Горошинки всё нет и нет. Старик и в поле-то сбежал, да только зря. Насилу ноги обратно приволок.

– Охо-хо! Запропала куда-то наша внученька. Вон и солнышко уже закатилось. Как бы не заплутала где по темну?

Воротилась старуха в избу. Толкает старого в бок.

– Эй, дед? Ты чего это в темноте вечеряешь? Хотя бы лампу засветил, что ли?

Поднялся старый с лежанки, принёс керосиновую лампу и фитиль поджёг. Грустные оба. Вздыхают. Так всю ночь и просидели, без сна... А Людоед с Горошинкой только-только из лесу вышли. У Людоеда на спине целый воз дров, да воз снопов с поля набрал. Тащит, даже не запыхался. Снопы – в овин, а дрова во дворе свалил. Возле дровяника. Горошинка тоже не пустая, тоже снопы несёт.

– Я сейчас, только деда с бабушкой предупрежу. Чтобы не испугались. Жди тут покуда.

В избу вбежала и деду с бабушкой прямо от порога на шею бросилась. «Ахи!» «Охи!» Целуются...

– А мы уж думали, случилось чего? Нет и нет нашей внученьки! Ну и, слава богу!

– Только я не одна, – Горошинка говорит, – а с гостем.

– Мы добрым гостям завсегда рады. Веди своего гостя, нечего за порогом держать.

Глянь: а внучка за лапу какое-то чудище в избу ведёт. Кое-как в дверь протиснулся, а разогнуться не может. Как раз башка на чердаке под охлупнем окажется. На пол гость сел, глазами лупает.

Охнула старуха и со страху под лавку нырнула, только зад наружу торчит. А старик... «Чёрт, чёрт, чёрт!» Мухой взлетел на печку, кочергу перед собой выставил и из-за трубы выглядывает.

– Э, все-то меня боятся!

Махнул Людоед рукой, повернулся и – вон из избы. Сел посреди двора, ноги калачом да как стукнет с досады по дедову чурбаку кулачищем. Тот и разлетелся на мелкие поленья. Сидит Людоед, из стороны в сторону раскачивается и голову руками закрыл. Тошно ему. А Горошинка бабку из-под лавки вытащила и уговаривает стариков:

– Бабушка... дедушка, вы его не бойтесь. Он вам худо не сделает.

Бабка со страху едва языком ворочает.

– Что ж ты, внученька, на ночь-то глядя, эдакое страшилище в дом привела?

– Он только с виду страшный, а на самом деле очень-очень добрый.

Дед на печи так и подпрыгнул:

– Людоед добрый?! Он сколько скота в деревне порезал, не счесть. Хуже волка. Мне ли не знать!

– Это раньше было, дедушка. А теперь он прощения пришёл просить. Он дружить с нами хочет.

У Горошинки даже слёзы на глазах выступили. Старуха руками развела.

– Так нам его и угощать-то нечем.

А дед с печи своё ворчит:

– Он целую корову за раз сожрёт, не подавится!

Горошинка достала из-за пазухи скатерть-самобранку, на столе её раскатала и говорит:

– Гость к нам не с пустыми руками

пришёл. С подарочком! Ну-ка, милая скатёрочка, угости нас и гостя нашего на славу! Гоп-ля!

Глядят дед с бабушкой и глазам не верят. От кушаний и напитков, от разносолов заморских стол ломится. А посреди стола – бочонок с медовухой! И краник внизу, серебряный. Старуха руками всплеснула: «Ахти! Чуда-то какая!» Старик с печи быстренько слез, кочергу в угол сунул и тоже к столу.

– Ну и ну! Много я про эту скатёрочку слышал, а видеть не доводилось.

Обошёл вокруг стола. Название на бочонке по слогам разобрал: «Медовуха... Во как!» Кружку расписную под краник подставил и полную нацедил. Выпил, крякнул. И рот до ушей:

– Пора гостя к столу звать.

На двор вышел. А Людоед как сидел, так и сидит. Из стороны в сторону качается, мычит, как от зубной боли. Старик справа за спиной у него встал, покашливает.

– Кхе, кхе! Ты уж, гостюшка... гм... дорогой, не изволь сердиться на нас, стариков. Мы ж это, самое... не со зла. С испугу это...

Старуха с другого боку заходит. С опаской, правда.

– Просим тебя в дом пожаловать. В тесноте хотя, да не в обиде. Не обесудь, гость милый.

Мычит Людоед, башкой мотает. Не поддаётся на уговоры. Очередь за Горошинкой уговаривать. Она его по руке погладила, за усы подёргала.

– Ну, хватит капризничать. Пошли уже...

А тот в голос ревёт:

– Всё равно никто дружить со мной не захочет. Зря людей пугаю!

Насилу уговорили. Поднялся Людоед и за хозяевами следом в избу плетётся. Наконец, по лавкам вокруг стола расселись, а Людоеда пришлось прямо на пол посадить, на кошму. И всё равно башка у него выше всех торчит. Старик, весёлый уже, медовуху в кружки разливает. Самая большая, с полведра котоя, Людоеду досталась. Встал старик. Сам к гостю обращается:

– Давай за знакомство, добрый человек!

– И за дружбу! – Горошинка поддакивает.

– Бывайте здоровеньки все. Чтобы всё хорошо у вас было, в достатке чтобы жили, – старуха приговаривает.

А Горошинка жалейку в руки взяла, да как заиграет... Ноги сами в пляс просятся. Кружки расписные, и те на столе заподпрыгивали. Старик со старухой из избе вытанцовывать. Смотрел Людоед, смотрел на них и – тоже в пляс пошёл. Старик вокруг гостя мухой носится, свистит, гикает, куда и хворь подевалась? Старуха платочком взмахивает, каблучками выстукивает. Такой топоток стоит... вот-вот избу по брёвнышку раскатят.

А как наплясались досыта, снова все за стол. И так до самого утра. Старик с гостем и вовсе в обнимку сидят, песни поют, наговориться не могут... Я на том пиру тоже был, мёд-пиво пил, по усам текло, а вот чё дальше было? Хоть убей, не помню. Лучше не спрашивайте!